

Это объяснение было настолько нелепым и неловким, что никто в него не поверил. В конце концов, все в деревне прекрасно знали, сколько у семьи Чжан двоюродных братьев.

Однако Линь Лаогэнь не стал разоблачать обман, а У Цинъюань лишь улыбнулся и кивнул, не желая заострять внимание на том, что Чжан Дачжу снова назвал его не тем именем — в конце концов, это был не первый раз.

— Тетушка Чжан, прошу прощения за беспокойство. Скажите, пожалуйста, кто из вас тетушка Чэнь? Дядя Линь привел меня по моей просьбе, я хотел бы обсудить с ней кое-какие дела...

Оставив вопрос с обращением в прошлом, У Цинъюань перешел к делу и, говоря это, протянул принесенные подарки.

Две цзинь свинины, пакет выпечки и целый кувшин рапсового масла!

Члены семьи Чжан и сама госпожа Чэнь в изумлении вытерли со лбов выступивший пот. Что же это за дело такое, если за него полагается столь щедрый подарок?

\*\*\*

Вне зависимости от того, древние это времена или современность, в делах, где требуется чья-то помощь, без подношений не обойтись. Сначала нужно задобрить человека, а потом уже вести переговоры — этот принцип У Цинъюань усвоил хорошо.

Но семья Чжан и госпожа Чэнь, увидев подарки, были ошарашены. Свинина, выпечка и масло — это был слишком богатый дар, ведь в деревне привыкли, что максимум для таких случаев — это пакет сладостей.

Только что они обсуждали его, и вот — легок на помине, да еще и с такими дарами. Никто не понимал, зачем он пришел.

Однако гость уже во дворе, нельзя же просто стоять столбом. Госпожа Чжан, потирая вспотевший лоб, не решилась принять вещи. Она поспешила вытолкнуть вперед свою сестру, а снохам велела немедленно достать из колодца арбуз, чтобы угостить гостя.

Арбузы здесь не были редкостью, но и дешевыми их не назовешь, так что это считалось вполне достойным и радушным приемом.

— Вы, должно быть, брат У? Что у вас за дело ко мне?

Госпожа Чжан не взяла подарки, и госпожа Чэнь тоже не посмела — такой тяжелый дар принять было непросто. Усадив гостя, она с опаской спросила о цели визита.

Видя, что хозяйка не решается взять вещи, У Цинъюань не стал настаивать. Он кивнул и поставил свертки рядом, а затем посмотрел на Линь Лаогэня. Он считал, что именно Линь Лаогэнь должен завести разговор о покупке угольных печей, а он сам вступит в беседу уже при обсуждении цены.

— Тетушка Чэнь, не волнуйтесь, дело хорошее. Сегодня брат У пришел, чтобы купить у вас те три угольные печи...

Линь Лаогэнь оказался понятливым. Сев за стол, он привычно взял кусок арбуза и, грызя его, изложил просьбу У Цинъюаня.

— Что? Купить наши печи?!

Стоило Линь Лаогэню закончить, как глаза госпожи Чэнь округлились, и она вскрикнула. Вся семья Чжан тоже уставилась на гостя.

Эти печи были для семьи Чэнь открытой раной. Когда-то глава их семьи работал на угольных печах богача, долгие десятилетия учился мастерству обжига угля. Он надеялся, что это ремесло обеспечит им богатство, но вместо этого все закончилось полным разорением: дом и поля были потеряны, семье пришлось перебраться в город, чтобы зарабатывать на жизнь стиркой и поденной работой.

Только в этом году им удалось накопить достаточно серебра, чтобы вернуться в деревню, купить дом и землю. О том, чтобы разбогатеть на угле, никто из них больше не смел и мечтать, поэтому три печи, построенные когда-то на все сбережения, так и стояли без дела.

На самом деле, семья Чэнь не раз думала о том, чтобы продать печи, но кто же купит? Ведь не у каждого хватит безрассудства поставить на кон все свое состояние, как когда-то сделал ее муж. К тому же, в деревне почти никто не умел обжигать уголь, и эти печи оказались никому не нужны даже даром.

И вот теперь У Цинъюань хочет их купить! Это было похоже на манну небесную.

— Господин... господин У, вы уверены, что действительно хотите их купить? От тех печей нет никакого толку, даже если вы умеете обжигать уголь, они...

Госпожа Чэнь сглотнула слюну, невольно сменив обращение. Радость радостью, но нужно все прояснить: покупка трех печей — это немалые деньги, и если не договориться сразу, потом не избежать проблем.

— Да, брат У, хорошенько подумайте.

Линь Лаогэнь тоже не удержался от совета — сумма-то внушительная.

— Я все обдумал. Тетушка Чэнь, не переживайте: когда печи перейдут ко мне, все убытки или прибыли я беру на себя. Мы можем прописать это в договоре. Меня лишь интересует цена — можете ли вы сейчас принять решение?

Позиция У Цинъюаня была предельно ясна: в любом бизнесе есть риски, нельзя бояться потерь. Если уж решил, нужно идти до конца.

Госпожа Чэнь снова сглотнула, не зная, что ответить. Ей до сих пор не верилось, что кто-то готов купить их бесполезные печи.

Остальные члены семьи Чжан молчали — их это не касалось. Но если сделка состоится, это станет огромным событием для семьи Чэнь, и все с любопытством ждали продолжения.

— Тетушка Чэнь, насчет порядочности брата У можете не сомневаться. Если хотите продать, просто назовите цену, и мы обсудим детали.

Видя твердость У Цинъюаня, Линь Лаогэнь окончательно перестал отговаривать и принялся помогать другу.

— Что ж... если вы действительно хотите купить, то, конечно, мы продадим. Брат Лаогэнь, вы знаете наше положение. Но эти печи — жизнь моего мужа, и решение о продаже должен принимать он. Мне нужно с ним посоветоваться.

Конечно, госпожа Чэнь была согласна. Печи все равно простаивали, а если удастся выручить за них хоть какие-то деньги, это покроет половину их старых потерь. Но она была женщиной, и в таких делах последнее слово оставалось за мужем.

— Хорошо, я буду ждать вашего ответа. И еще: кроме покупки печей, я хотел бы нанять дядю Чэня к себе на работу. Передайте ему, что он мастер своего дела, и я готов платить пол-гуаня в месяц. Пусть он тоже подумает над этим предложением.

У Цинъюань все понимал и кивнул, добавляя другие условия. В одиночку ему с печами не справиться, а опытный мастер рядом — большое подспорье.

— Хорошо! Завтра же отправлюсь в город и все ему расскажу!

У госпожи Чэнь, которая еще минуту назад сомневалась, не осталось никаких сомнений. Она была вне себя от радости.

Предложение работы для мужа радовало ее даже больше, чем продажа печей. У Цинъюань оказался невероятно щедр: пол-гуаня в месяц! Когда ее муж был молод и полон сил, работая у богача, он получал столько же. А теперь, в старости, найти такую работу, да еще и рядом с домом — нужно быть дураком, чтобы отказаться!

— Сестренка, чего ждать до завтра? Поезжай прямо сейчас!

Госпожа Чжан оказалась практичнее госпожи Чэнь. Она понимала, что такие дела лучше решать не откладывая, чтобы не возникло новых препятствий.

— Точно, точно! Прямо сейчас! Господин У, подождите немного у моей сестры, я мигом в город, приведу мужа!

Ошеломленная такой удачей, госпожа Чэнь засуетилась. Придя в себя, она тут же собралась в путь. Солнце еще не палило, так что дойти до города можно было без опаски.

Госпожа Чжан, сохраняя больше хладнокровия, велела мужу запрягать ослиную повозку. Их семья была одной из немногих в деревне, у кого был скот, и на повозке добраться до города можно было гораздо быстрее.

Когда госпожа Чэнь и муж госпожи Чжан торопливо ушли, та велела снохе нарезать еще один арбуз и с сияющей улыбкой продолжила угощать У Цинъюаня.

— Брат У, съешьте еще кусочек, сестра скоро вернется...

— Хорошо.

У Цинъюань и сам торопился — деньги любят скорость. То, что госпожа Чэнь сразу отправилась в город, было ему только на руку.

Он спокойно сидел, поедая арбуз и ожидая возвращения. Хотя местные арбузы были не такими сладкими, как современные, они отлично утоляли жажду.

\*\*\*

Хотя ослиная повозка значительно ускорила путь, на дорогу туда и обратно ушло около двух часов. Не сидеть же все это время в молчании.

Госпожа Чжан, будучи женщиной находчивой, выставила на стол арахис и грецкие орехи и принялась расспрашивать У Цинъюаня обо всем на свете, стараясь удержать его внимание. Им хотелось успеха сделки даже больше, чем ему.

Конечно, кроме помощи семье Чэнь, у госпожи Чжан был и личный интерес.

Еще совсем недавно они обсуждали свадьбу ее сына и Чжоу-гэра, а теперь перед ней сидел его двоюродный брат, от которого зависело решение. Как тут не воспользоваться моментом?

Да и Чжан Дачжу, сидевший рядом, смотрел на мать с такой мольбой, что та не могла не понимать его чувств.

— Ох, брат У, вы даже не представляете, как мы все выросли вместе с Чжоу-гэром. Столько ему пришлось пережить... Как только у бабушки Чжоу хватило сердца так с ним обойтись? Хорошо, что теперь есть вы, его родной брат. Небо смилостивилось, и наконец-то у этого ребенка нашелся рассудительный старший родственник, который распорядится его судьбой...

Поболтав о пустяках, она перевела разговор на Чжоу-гэра, прощупывая почву.

В деревне не было запрета на свободные отношения, но окончательное решение о браке всегда оставалось за старшими. У Чжоу-гэра не было родителей, только У Цинъюань, и его мнение было решающим. Семья Чжан не прочь была взять Чжоу-гэра в невестки, но боялась, что У Цинъюань окажется таким же упрямым, как старуха Чжоу.

— Да, Чжоу-гэр настрадался. Бабушка Чжоу поступила бессовестно, продав такого замечательного парня в наложники к старику. А ведь в деревне полно хороших молодых людей — взять хотя бы вашего Дачжу, тетушка Чжан. Честный, работающий, внимательный... — Линь Лаогэнь, жуя арбуз, решил поддержать разговор. Обычно он был не слишком красноречив, но сегодня слова лились гладко: утром перед выходом Линь Амо долго наставлял его.

— Брат Лаогэнь, вы перехвалили моего Дачжу. Он просто дурачок, как бык. Но что честный и работающий — это правда. Не хвастаюсь, но если мой Дачжу женится, будет беречь жену как зеницу ока... — Госпожа Чжан на мгновение замерла, а затем заулыбалась, внимательно наблюдая за реакцией У Цинъюаня.

— Брат У, я буду беречь свою жену! Все заработанные деньги буду отдавать ей! — Чжан Дачжу, хоть и был простоват, понял намек и радостно закивал.

Вся семья Чжан тут же схватилась за головы. Госпожа Чжан с досадой ущипнула сына, чтобы тот не болтал лишнего, а Линь Лаогэнь рассмеялся и похвалил: «Хороший парень!»

Их намерения были настолько очевидны, что У Цинъюань, проживший две жизни, не мог этого не заметить.

Обведя взглядом ожидавших ответа людей, он отложил арбуз и высказался:

— Тетушка Чжан, вы излишне скромны. Я согласен с дядей Линем — Дачжу хороший парень. Кстати, мои печи скоро заработают, и мне понадобятся люди. Я вижу, что у Дачжу много сил, если вы не против, я бы хотел его нанять...

У Цинъюань кивнул, но прямого ответа о свадьбе не дал.

Не то чтобы он был против — он видел, что Дачжу достойный человек, и что между ним и Чжоу-гэром есть симпатия. Он не собирался препятствовать их счастью, но ему нужно было присмотреться к семье Чжан. Не стоит торопиться, словно он навязывает своего брата.

Семья Чжан сейчас лишь зондирует почву, этого достаточно. Если они поймут правила, то позже пришлют сваху, как и положено по деревенским обычаям.

— Хорошо, хорошо! Без проблем! Завтра же велю Дачжу уволиться с поденной работы у господина Лю.

Госпожа Чжан была женщиной умной и намеков поняла сразу. Ради такого знака расположения от У Цинъюаня она готова была отпустить сына хоть бесплатно!

\*\*\*

Сбросив камень с души, госпожа Чжан сияла. У Цинъюань, привыкший контролировать свои эмоции, оставался невозмутимым, сохраняя вежливую, но сдержанную улыбку.

Время пролетело быстро. В полдень, когда госпожа Чжан пригласила их обедать, вернулась госпожа Чэнь с мужем и всей семьей. Было ясно, насколько важна для них эта сделка: она открывала путь к новой, достойной жизни без тяжелого труда.

За обеденным столом у семьи Чжан они быстро ударили по рукам. Три печи были оценены в сорок пять лян серебра.

Это была очень выгодная цена. Строительство печей требовало мастерства, и в свое время семья Чэнь вложила в них огромные средства: материалы, фундамент, оплата труда — каждая печь обошлась почти в двадцать лян.

Печи использовали всего пару раз, так что они были почти новыми. Сорок пять лян за три печи вместе с землей — это была более чем честная сделка.

Но больше всего У Цинъюаня радовало то, что он нанял мужа госпожи Чэнь, опытного мастера по обжигу, и его сына.

После обеда все отправились к деревенскому старосте, чтобы заверить договор и передать деньги. Это было обычным делом для деревни: сделки на десятки лян требовали свидетеля. К тому же, семья Чэнь была неграмотной, да и У Цинъюань, будучи чужаком, в местных письменах не разбирался, так что пришлось прибегнуть к помощи «образованного» старосты.

Сделка прошла успешно, и все разошлись довольные.

По дороге домой У Цинъюань был в отличном настроении. Линь Лаогэнь тоже был рад, и они разговорились. У Цинъюань, не теряя времени, пригласил и его работать на печах.

За полмесяца жизни в доме Линь он хорошо узнал Лаогэня. Его не смущала хромота — он знал, что, несмотря на увечье, в Линь Лаогэне есть стержень. Он работал усердно и не халтурил. На самом деле, У Цинъюань предлагал эту работу не только ради выгоды: он хотел отблагодарить семью Линь за их доброту. Лучший способ помочь — дать человеку возможность стабильно зарабатывать.

В итоге вопрос с рабочими был решен. У Цинъюань планировал привлечь шестерых: отца и сына Чэнь, Чжан Дачжу, Линь Лаогэня, мужчину из второй ветви семьи Линь и себя самого. Для трех печей этого было достаточно, а если понадобится — всегда можно нанять поденщиков.

Они уже почти дошли до дома, когда на полпути встретили человека, и лицо Линь Лаогэня, до этого светившееся радостью, мгновенно помрачнело.

— Эй, Линь Лаогэнь? Сват, ты откуда? Нагулялся, наелся, напился? Ц-ц-ц, небось, паленой водкой баловался...

Раздался хриплый голос, и навстречу им выбежал старик с жидкими усиками.

Лет пятидесяти, сутулый, тщедушный, с бегающими хитрыми глазками.

У Цинъюань присмотрелся: лицо показалось знакомым, но он не мог вспомнить, где его видел. А лицо Линь Лаогэня после обращения «сват» стало еще чернее.

— Кто я тебе сват?! Чжао-таракан, если еще раз так меня назовешь, я за себя не ручаюсь! — прорычал Линь Лаогэнь. Настоящее имя этого человека было Чжао Далун, но в деревне его все звали Чжао-таракан.

Линь Лаогэнь был человеком мягким и неконфликтным, но этот старик выводил его из себя. Это был не кто иной, как отец того самого Чжао Хайшэна, которого У Цинъюань видел в городе.

Семья Чжао не была самой ненавистной в деревне, но и любви не вызвала. Старики были алчными, а жена Чжао — сплетницей. Рассудительные люди старались с ними не связываться.

Но Линь Лаогэнь ненавидел их по простой причине: они хотели сосватать его Амо.

Хотя Линь Амо был некрасив, семья Линь жила неплохо, и парень был мастером на все руки. Линь Лаогэнь знал, что его сын не пропадет, но он не мог допустить, чтобы тот попал в такую семью, как Чжао.

Чжао-таракан, не обращая внимания на гнев Линь Лаогэня, продолжал разглагольствовать:

— Сват, не злись. Мы все равно породнимся рано или поздно. Что ты за человек такой? Мы, семья Чжао, не побрезговали твоим некрасивым Амо, а ты еще и упрямишься! Мой Хайшэн — парень видный, скоро станет управляющим, будет получать два ляна в месяц! Кто в деревне может с ним сравниться? Ты должен в храм идти и богов благодарить, что мы согласны его взять!

У Цинъюань, услышав имя Чжао Хайшэна, насторожился. Воспоминания о лавке в городе всплыли в памяти.

Линь Лаогэнь, доведенный до предела, схватил с земли толстую палку и швырнул ее в старика.

— Пошел вон! Чжао-таракан, убирайся! Если еще раз откроешь рот и опозоришь моего Амо, я тебя прибью! Послушай меня: мой Амо скоро станет красавцем! Видишь этого человека? Это брат У, он великий лекарь, он вылечит лицо моего сына! И тогда к нам выстроится очередь из знатных женихов, чтобы сватать Амо, ясно?! — Линь Лаогэнь, не сдержавшись, притянул У Цинъюаня к себе, чтобы тот подтвердил слова.

— Он? У него еще даже борода не выросла, а он лекарь?

<http://bllate.org/book/20032/1977524>